

ОДНА ЛИ ИСТОРИЯ У НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА?

*Б.А. Успенскому к пятидесятилетию**

0. В русском языкознании сложилась устойчивая традиция разграничения двух историко-лингвистических дисциплин, одна из которых, изучающая историю “народно-разговорной” речи, ещё в прошлом столетии получила условное название “исторической грамматики”, а другая, оформившаяся уже в наше время, – “истории литературного русского языка”.

Теоретическое обоснование дифференциации двух историй русского языка относится ко второй половине нашего столетия и прежде всего связано с работами Р.И. Аванесова, настаивавшего на автономности исторического развития диалектного языка, непосредственно продолжающего праславянский и изучаемого ретроспективно, и литературного русского языка, наследующего церковнославянские книжно-письменные традиции (см. развернутое обобщение: Аванесов 1973). А одним из немногих, но очень решительных противников противопоставления двух историко-лингвистических дисциплин в русском языкознании был А.В. Исаченко, посвятивший в 60-х годах этой проблеме ряд статей, в которых утверждал, что историческому изучению русского языка очень мешает “неорганическое, на наш взгляд, разбиение единого предмета на две отдельные дисциплины” (Исаченко 1965, 129). Ученый полагал, будто “такое разбиение базируется на том недоказанном предположении, что ‘внутреннее’ развитие языка можно отделить от его ‘внешнего’ развития. В результате мы до сих пор не располагаем синтетическим исследованием, озаглавленным ‘История русского языка’, столь необходимым в практической исследовательской и педагогической работе и сравнимым с ‘Историей немецкого языка’ В.М. Жирмунского” (ib., 129–130; ср. Исаченко 1963).

Возражая в те годы против синтеза двух историко-лингвистических дисциплин, который означал бы “отождествление двух совершенно разных объектов исследования” (Хабургаев 1969, 366), я ссылаясь

* 1 марта 1987 года Борису Андреевичу Успенскому исполнилось 50 лет. По этому поводу в настоящем номере публикуется ряд статей, посвященных юбилюру, которые рассматривают вопросы истории русского языка, тем самым отражая главные научные интересы Б.А. Успенского за последние годы. Редакция желает Б.А. Успенскому всего наилучшего и дальнейших успехов в его научной деятельности.

(как и Р.И. Аванесов в упомянутом выше докладе) на специфику восточнославянской средневековой культурно-языковой ситуации, которая не противопоставляла на уровне языкового сознания церковнославянский язык культа и культуры народно-разговорному и тем самым предопределила местное своеобразие процесса формирования национального литературного языка, не являющегося прямым продолжением “народно-разговорной речи” (см. *Общие проблемы...*). Иначе говоря, как и другим коллегам, работающим в области исторического языкознания, мне казалось естественным существование одной истории, например, немецкого языка (см. выше пример А.В. Исаченко), прослеживающей, как на базе позднесредневековых местных диалектов происходила кодификация норм немецкого (национального) литературного языка, вытесняющего в письменном творчестве средневековую латынь. Но представлялась невозможной одна история русского языка, поскольку нормы национального русского литературного языка ориентированы не только на “общее употребление” (по терминологии филологов XVIII в., подразумевавших в этом случае разговорную речь тогдашней социальной элиты, — см. Успенский 1975, 17–19, 55–56, 68 и др.), но и на церковнославянскую языковую традицию, которая по этой причине не может быть исключена из истории русского литературного языка, но не имеет отношения к истории языка диалектного (обычно недифференцированно именуемого “народно-разговорным” — см. далее), составляющего предмет “исторической грамматики” русского языка (ср. позднее Горшкова, Хабургаев 1981).

Изложенные соображения, разумеется, не утратили своего значения; но они (как мне представляется сейчас очевидным) в плане общего исторического языкознания отражают лишь частный случай универсальной необходимости дифференциации языковой истории (см. Хабургаев 1985).

1. Дело в том, что теоретическое языкознание до сих пор не обнаруживает чёткого понимания того факта, что оно имеет дело не с разновидностями одного объекта, именуемого *языком* (*la langue, the language, die Sprache* и т.д.), а с двумя взаимосвязанными, но принципиально различными социальными образованиями, обозначаемыми одним термном, но по-разному связанными с тем обществом, которое они призваны обслуживать, и очень непохожими по происхождению и по своему поведению в пространстве и во времени, что особенно важно для исторического языкознания. Невнимание к этому обстоятельству тем более удивительно, что на него было указано уже в

начале нашего столетия! В *Курсе общей лингвистики* Ф. де Соссюра, если верить записям его лекций, указывая на диахроническую непрерывность языка как средства повседневного общения (“естественного”, который для него, воспитанного на младограмматическом языкознании конца XIX в., был единственно достойным внимания объектом лингвистики), счёл необходимым отметить, что “эта непрерывная эволюция весьма часто скрыта от нас вследствие того, что внимание наше сосредоточивается на литературном языке”, между тем как литературный язык “не может служить для нас мериллом того, до какой степени изменчивы естественные языки, не подчинённые никакой литературной регламентации” (Соссюр 1977, 173). А спустя чуть более десятилетия после обнародования *Cours de linguistique générale* на необходимость дифференцированного подхода к изучению разных объектов языкознания (но уже с позиций исследования литературных языков) указывали сотрудники Пражского лингвистического кружка, которые, отметив существенные отличия литературных языков от “народных”, заключают соответствующий раздел своих знаменитых “Тезисов” утверждением: “Все эти свойства литературного языка следует учитывать как при синхроническом, так и при диахроническом изучении славянских литературных языков. Их исследование не должно строиться по образцу исследований народных диалектов...” (*Пражский кружок*, 28; разрядка моя – Г.Х.). В те же годы одним из авторов этого меморандума Н.С. Трубецким (1927) был предложен общий набросок истории славянских литературных языков, убедительно показавший, что “литературный и народный языки вполне никогда не совпадают друг с другом и развиваются каждый своими путями” (ib., 54).

Невнимание к этим предостережениям авторов, оказавшихся едва ли не самыми авторитетными в лингвистике XX столетия, видимо, можно объяснить только тем, что идеи Ф. де Соссюра прежде всего получили развитие в синхроническом языкознании, в то время как историческое языкознание в методологическом отношении во многом и сегодня остаётся на “доссосюрловском” уровне. И это не только мешает языковедам-диахронистам разглядеть принципиальную несхожесть столь разных феноменов, как “народный” язык и литературный язык, но и препятствует обсуждению проблематики, которая должна противопоставлять исследования по истории литературного языка исследованиям, выполняемым в плане “исторической грамматики” или исторической диалектологии (см. Хабургаев 1985, 37–40).

2.1. Естественным (и первичным) объектом лингвистики, изучение

которого обеспечило достижения исторического языкознания второй половины XIX – начала XX в., безусловно, является звучащий язык как средство повседневного (живого) общения. Только он и имеется в виду, когда говорят, что язык возникает вместе с человеческим обществом и обеспечивает совместную деятельность и повседневную жизнь людей в обществе во все периоды истории; и именно его современная лингвистика вслед за Ф. де Соссюром обычно определяет как “естественный язык” (см. выше п. 1). Его появление и последующая эволюция (включая образование конкретных языков как средств общения племен и этнографических групп, образующих со временем разные народности и нации) не зависят от воли, сознания и творческой инициативы отдельных личностей – даже в области пополнения словарного состава (если речь идет не о введении новых слов для обозначения культурных понятий, что осуществляется в сфере литературных языков, – ср. Трубецкой 1927, 57–58).

Только в языке как средстве повседневного общения, основной и естественной формой реализации которого является диалогическая речь (ибо “чтобы был язык, нужен *говорящий коллектив*” – Соссюр 1977, 110), происходят изучаемые диахроническим языкознанием фонетико-фонологические и грамматические изменения, так или иначе социально обусловленные (см. Хабургаев 1980, 102–108; Горшкова, Хабургаев 1981, 159, 208–209, 257–261 и др.; ср.: “язык никогда не существует вне общества... . Его социальная природа – одно из его внутренних свойств” – Соссюр 1977, 110), но со сменой социально-экономических формаций, с политическими или идеологическими преобразованиями в жизни общества не связанные и не зависящие от них в своей исторической непрерывности (а “поток языка течет во времени непрерывно”, хотя “эта непрерывная эволюция весьма часто скрыта от нас”, – *ib.*, 173). Непосредственной же движущей силой структурных преобразований языка как средства повседневного общения (нередко именуемой “внутренними законами” развития языка) является органически присущая языковой динамике тенденция к установлению регулярных (“симметричных”) отношений между означающим и означаемым, которой противостоит узуальная норма, опирающаяся на языковую традицию и обеспечивающая преемственность языковых состояний на диахронической оси.

2.2. Принципиально иную природу имеет письменный литературный язык как орудие цивилизации, появляющийся только на определенной стадии развития общества. Условия существования и развития литературных языков почти по всем признакам противоположны

тому, что наблюдается в истории языка как средства повседневного общения. Возникновение и дальнейшие судьбы литературных языков теснейшим образом связаны с социально-экономической историей общества и являются результатом сознательной творческой деятельности людей – коллективной или даже индивидуальной (можно напомнить о роли Месропа Маштоца в создании грабара – культового по происхождению литературного языка древних армян, Константина-Кирилла – в создании общеславянского средневекового литературного языка, М. Лютера как переводчика Библии – в создании немецкого национального литературного языка и т.д.), которая осуществляется в определённых культурно-исторических условиях и подчиняется закономерной исторической необходимости, диктуемой потребностями общественного развития, а не какими-либо внутренними требованиями самой языковой системы.

Если язык как средство повседневного общения является необходимым свойством, своего рода конституирующим “дифференциальным признаком” человеческого общества, то литературный язык для существования человеческого общества не обязателен и является таким же продуктом цивилизации, как и любые другие духовные достижения человечества. Письменность и, соответственно, письменно-литературный язык никогда и нигде не появляется до разложения общинно-родового строя и перехода к территориально-политическим (государственным) объединениям, выходящим за пределы родо-племенных отношений: племя в письменности не нуждается; а его духовные потребности удовлетворяются складывающимся на основе обиходно-разговорной речи языком устно-поэтического творчества, который может со временем приобретать традиционный и межплеменной характер.

Нельзя, далее, не заметить, что для эпохи феодализма – не только в Европе, но и в Азии – характерно распространение письменно-литературных языков (очень часто международных), являвшихся языками официальных (государственных) религий, утверждавшихся в это время в качестве идеологической опоры феодальных (абсолютных или стремившихся стать абсолютными) монархий. Именно так распространилась латынь в католических и церковнославянский в православных странах средневековой Европы, арабский – в восточных монархиях, принимавших ислам, и т.д. – независимо от строя и типа языков, которыми пользовалось население соответствующих регионов мира в повседневном общении. Историческая неизбежность этого процесса определялась той ролью, которую играла религия в жизни средневекового общества; а его целесообразность обуславливалась

заметной диалектно-этнографической пестротой, поддерживавшейся экономической, а нередко и политической обособленностью отдельных областей феодального государства: язык культа, приобретающий значение общего языка культуры, оказывался в этих условиях необходимым объединяющим фактором, а следовательно, и условием культурного прогресса, стоявшим над диалектной раздробленностью языка как средства повседневного общения.

Наконец, только разрушение феодальных отношений, сопровождавшееся национальными движениями и, следовательно, формированием национального самосознания, приводит к отказу от наднациональных письменно-литературных языков и к сложению новых литературных языков на местной народно-разговорной основе, каковой оказывался либо престижный диалект формирующегося национального центра, либо уже сложившееся городское просторечие, либо одна из форм наддиалектной *кoмyн* – в зависимости от конкретных местных условий. Иначе говоря, только в эту эпоху нормы официального литературного языка более или менее последовательно ориентируются на структурные особенности родного языка как средства бытового общения (“более или менее”, потому что ни один из “больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким живым народным говором”, – Трубецкой 1927, 57). Процесс этот обязателен даже в ситуации, когда система норм средневекового литературного языка в известной степени была соотнесена с особенностями родного языка повседневного общения (ср. Хабургаев 1983).

3. Язык как средство повседневного общения характеризуется исторической непрерывностью не только во времени, но и в пространстве. На протяжении большей части периода существования человечества он представлен диалектами племён и этнографических групп, не находившимися в каких-либо иерархических отношениях, т.е. функционально “равноправными” диалектами “никакого” языка, которые сравнительно-историческое языкознание объединяет или дифференцирует по признаку их структурной близости (как, скажем, балтийские, славянские, германские, кельтские, итальянские и т.п. индоевропейские диалекты Европы II–I тысячелетий до н.э.) и которые не предопределяют ни экономических, ни политических, ни культурных отношений между их носителями и, в частности, не указывают на их принадлежность к одному этносу.

Формирование средневековых народностей или наций нового времени степенью структурной близости диалектов, которыми пользуются вошедшие в них этнографические группы населения (нередко,

между прочим, и неродственные в языковом отношении!), не обуславливается и связано только с социальной историей их носителей. Иначе говоря, и в это время язык как средство повседневного общения по существу своему остаётся диалектным, варьирующимся в пространстве и “безразличным” к изменениям социально-этнического статуса его носителей. Именно это наблюдение и лежит в основе знаменитой “теории волн” И. Шмидта; и именно этот феномен имел в виду Ф. де Соссюр, когда отмечал, что квалификация близких друг другу говоров как относящихся к одному или к разным “языкам” — это проблема не структурно-лингвистическая, а социально-историческая (см. Соссюр 1977, 233–240). На уровне повседневного общения любой национальный язык (русский, немецкий и т.д.) может определяться лишь как совокупность взаимодействующих знаковых систем, обслуживающих различные социальные и территориальные (герм. этнографические) группы нации и объединяющихся в эту совокупность по причинам социально-исторического (а не структурно-лингвистического) порядка, представляя, таким образом, социальную систему знаковых систем (см. Хабургаев 1980, 5–8).

Строго соответствующее реальному положению дел изучение истории диалектного языка требует неперменного учёта географических условий его функционирования в разные периоды истории (включая, в частности, и межъязыковые контакты, определяемые этими условиями), которые могут восстанавливаться по данным лингвистической географии, “беспристрастно” фиксирующей непрерывность языка как средства повседневного общения в пространстве и во времени, отражаемую структурными особенностями смежных говоров не только одного языка, но и близкородственных языков на смежных территориях. И в этом смысле лингвистическая география может рассматриваться как пространственная проекция истории диалектного языка, эволюционирующего в результате постепенного накопления новообразований (элементов нового качества), которые в разные периоды языковой истории охватывают географически нетождественные ареалы, оказывающиеся впоследствии в составе одного или разных национальных языков (разных “социальных систем”).

4. Специфика письменно-литературного языка как орудия цивилизации определяет принципиально иное (чем для диалектного языка) содержание его истории, обнаруживающееся в периодической перестройке отношений между письменно-литературными нормами, с одной стороны, и фонетико-фонологической системой и грамматическими категориями и формами языка как средства повседневного

общения того социума, который пользуется данным литературным языком, — с другой. Изменения в системе норм литературного языка происходят не в результате накопления им самим элементов нового качества (как это свойственно языку как средству повседневного общения — см. выше), а в результате реформы (или кодификации), предпринимаемой по инициативе его носителей, которые в исторически меняющихся условиях разных социально-экономических формаций, следовательно, в разных культурно-языковых ситуациях по-разному интерпретируют отношения между нормами литературного языка и особенностями структуры родного языка как средства повседневного общения. Иначе говоря, исследование истории литературного языка может осуществляться только с учётом социально-культурных условий его зарождения и функционирования, т.е. не столько в связи со временем, сколько в связи со сменой общественно-экономических формаций, определяющих своеобразие культурно-языковой ситуации каждого отдельного исторического периода, что применительно к истории русского литературного языка убедительно показано в последних работах Б.А. Успенского (см. особенно 1983).

5. Новые литературные языки, в отличие от средневековых, формируются в качестве ядра(!) “социальных систем” именно как национальные. И если этот процесс осуществляется в условиях вполне развитого национального самосознания, то он как правило сопровождается активным обсуждением кодификационных проблем писательской и филологической общественностью (см. Успенский 1985). Сложившись же как система общенациональных норм, литературный язык становится не только основным орудием национальной культуры, но, вследствие этого, также и экспликатором национальной принадлежности, что и создает для историка языка ситуацию, о которой предупреждал Ф. де Соссюр, когда писал, что “литературный язык, подчиняющийся иным условиям существования, нежели народный язык (то есть язык естественный), наслаивается на этот последний и застилает его от нас” (Соссюр 1977, 173; разрядка моя — Г.Х.). Между тем история “естественного” языка (который в диахронических исследованиях целесообразнее всего называть, вслед за Р.И. Аванесовым, *диалектным* — см. выше, в частности п. 3) с формированием национальных литературных языков не заканчивается, хотя и приобретает новое направление, обеспечивающее его постоянное сближение с ядром “социальной системы” — национальным литературным языком. Именно этого последнего обстоятельства и не учитывал А.В. Исаченко, когда настаивал на необходимости создания единой (“синтети-

ческой”) истории русского языка: учёного смущало, что “историческая грамматика”, как история языка диалектного, ограничивая свой объект, “отказывается от систематического прослеживания развития как раз той разновидности русского языка, которая объективно заслуживает наиболее пристального внимания: имеем в виду нормированную, культурную, общеобязательную, богато дифференцированную в стилистическом отношении разновидность русского языка – его литературную речь”, которую “десятки миллионов наших современников во всем мире изучают и любят как ‘русский язык’” (Исаченко 1965, 130).

Цитированные формулировки, на первый взгляд, могут показаться странными под пером автора, не забывающего о существовании, наряду с “исторической грамматикой”, также и истории литературного русского языка, занимающейся (или обязанной заниматься) “систематическим прослеживанием развития как раз той разновидности русского языка, которая...” (и т.д. – см. выше). Эту очевидную непоследовательность можно объяснить только тем, что автор не видит исторической перспективы объекта, исследуемого “исторической грамматикой”, полагая, что таковой может быть лишь формирование “нормированной, культурной, общеобязательной, богато дифференцированной в стилистическом отношении” литературной речи. А между тем, история диалектного языка также имеет свою перспективу! Но “разглядеть” её можно только в том случае, если оба очерченных здесь объекта диахронической лингвистики не смешиваются, а конкретнее – если на диахроническом отрезке, соответствующем существованию национальных литературных языков, в глазах исследователя литературный язык, выражаясь словами Ф. де Соссюра, не “заслоняет” функциональных систем, обеспечивающих повседневное общение между носителями этого литературного языка и продолжающих традиции диалектного языка предшествующих эпох.

Перспективой истории диалектного языка является формирование той языковой системы, которая оказывается основным источником норм национального литературного языка в эпоху его кодификации, а позднее, вступая в определённые отношения с системой письменно-литературного языка, приобретает функцию обиходно-разговорного средства общения его носителей (с 1960 г. я обозначаю эту функциональную систему *нормированной устной речью* – см. Хабургаев 1963, 38–41 – терминологическим сочетанием, как мне кажется, более точно характеризующим объект, чем встречающиеся в языковедческой литературе последних лет наименования “литературно-разговорная” или даже просто “разговорная речь”, которые могут ассоциироваться

также и с просторечием). Генетическая связь нормированной устной речи (т.е. обиходно-разговорной речи носителей литературных норм) с объектом “исторической грамматики” отчетливо проявляется, в частности, и в том, что “разговорно-литературная форма языка менее удалена от народного языка”, чем письменно-литературная (литературный язык в собственном смысле); причём “ближе всего к народному языку приближается диалогическая речь, образующая целую гамму переходных форм от нормированного литературного языка до языка народного” (*Пражский кружок*, 27), особенно в “социальных системах” с более или менее заметным диалектным многообразием, где нормированная устная речь может варьироваться в различных культурных центрах ареала, обслуживаемого одним письменно-литературным языком.

Таким образом, история диалектного языка с появлением национального литературного стандарта не прекращается, продолжая требовать к себе ничуть не меньшего исследовательского внимания, чем история литературного языка, “замирающего” после стабилизации его норм на достаточно длительные хронологические отрезки.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, Р.И.: 1973, ‘К вопросам периодизации истории русского языка’, *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов*, Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации, М., 5–24.
- Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А.: 1981, *Историческая грамматика русского языка*, М., 7–10.
- Исаченко, А.В.: 1963, ‘К вопросу о периодизации истории русского языка’, *Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь проф. Б.А. Ларина*, Ленинград, 149–158.
- Исаченко, А.В.: 1965, ‘Два пособия по истории русского языка’. *Вопросы языкознания* № 4, 129–137.
- Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник* [Научного совета по диалектологии и истории языка АН СССР], М., 1969, 104–106.
- Пражский лингвистический кружок. Сб. статей*, М., 1967.
- Соссюр, Ф. де: 1977, *Труды по языкознанию*, М.
- Трубецкой, Н.С.: 1927, ‘Общеславянский элемент в русской культуре’, Н.С. Трубецкой, *К проблеме русского самопознания. Собрание статей*, Париж.
- Успенский, Б.А.: 1975, *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики*, М.
- Успенский, Б.А.: 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка*, М.
- Успенский, Б.А.: 1985, *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и её исторические корни*, М.
- Хабургаев, Г.А.: 1963, ‘Несколько замечаний относительно формирования национального русского литературного языка’, *Ученые записки [МОПИ им. Н.К. Крупской]*, т. СXXXVIII. *Русский язык и литература*, вып. 8, 33–44.

- Хабургаев, Г.А.: 1969, 'Возможности построения "синтетической" истории русского языка (в связи с замечаниями А.В. Исаченко)', *Вопросы филологии. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина* № 341, 363–372.
- Хабургаев, Г.А.: 1980, *Становление русского языка*, М.
- Хабургаев, Г.А.: 1983, '“Средний штиль” М.В. Ломоносова в контексте истории русского литературного языка', *Вопросы языкознания* № 3, 101–109.
- Хабургаев, Г.А.: 1985, 'Специфика объектов науки о языке (методологический аспект)', *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология* № 5, 33–40.

Москва